

ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ

Имя Юрия Кузина уже хорошо знакомо тем, кто имел хоть какое-нибудь отношение к XIX международному фестивалю ВГИК, да и не только им. Оно стоит несколько особняком от имён других участников фестиваля. Дело в том, что его дипломный фильм «Левша» уже получил приз «Кентавр» за лучший дебют МКФ «Послание к человеку» в Санкт-Петербурге (1999), вторую премию конкурса «Святая Анна» (1999), Диплом 52-го МКФ в Каннах (1999). И вот теперь родное ВГИКовское жюри во главе с Андреем Эшпаем вручило Юрию Кузину «Человека с киноаппаратом» — приз за режиссуру игрового фильма. Тогда, вооружившись блокнотом, ручкой и девизом «Страна должна знать своих героев!», я отправилась на встречу с Кузиным. И вот что из этого вышло.

Анна Никитина: Юра, когда ты решил стать режиссёром?

Юрий Кузин: Не могу сказать точно. Это шло, наверное, ещё с детства. Я родился во Львове. Небольшие улочки с аккуратными домиками привлекали сюда режиссёров, искавших как австрийскую, так и французскую натуру. Во Львове снимал Юнгвальд-Хилькевич своих мушкетёров. Здесь же находится школа, в которой училась Лариса Шепитько. В 1988 году я участвовал в создании мемориальной доски на дверях этой школы. Из этого города вышли Григорий Явлинский, Роман Виктюк, Юрий Башмет, а в своё время и Леопольд фон Захер-Мазох, и Йозеф Рот, и Станислав Лем.

С 12-ти лет я участвовал в интернатской самодеятельности. Коронной у меня была роль сказочника в «Снежной королеве» Шварца. А через несколько лет я поступил в театральное училище в Ярославле, на актёрское отделение.

А.Н.: Значит, изначально, ты хотел стать актёром?

Ю.К.: В том-то и дело, что нет. Я всегда думал о режиссуре, а овладение системой Станиславского мне казалось необходимым. Но я был нетерпелив. Узнав, что в Ярославль приехал Андрей Тарковский, я пробился к нему в гостиницу «Медведь». Наш разговор длился недолго, я сказал ему, что хочу стать режиссёром, и Тарковский, улыбаясь, похлопал меня по плечу. Этого оказалось достаточно. Я заболел ВГИКом. Заболел настолько, что двенадцать раз проваливался на экзаменах...

За это время я успел послужить в армии, поработать пожарным, написать книгу.

А.Н.: Что за книга?

Ю.К.: «Азбука секса». Это сейчас таких появилось много, а в 90-м она была первая и единственная в своём роде. Правда, в сексе я тогда мало что смыслил. Поэтому книга была полна своеобразных фантазий.

А.Н.: Наверное, это от того, что ты слишком долго занимался Тарковским?

Ю.К.: Наверное. В 1988 году я решил даже провести в Москве конференцию по его творчеству. Союз кинематографистов в лице Элема Климова высту-

Ю.К.: Да, это так. Меня же зачислили в какой-то комитет. Секретарями его были Паола Волкова и Марьяна Чугунова. Их усилиями был разрушен дом на Щипке, в котором семья Тарковских прожила долгие годы. (От редакции СКН: Мы даём возможность Ю. Кузину высказать свой взгляд на проблему, но, насколько нам известно, на самом деле «Фонд Тарковского», руководимый П. Волковой, пытался сохранить этот дом и превратить его в музей Тарковского, на что не хватило ни средств, ни возможностей. См. материал об этом в СКН № 11/18). Я пытался помешать этому, но проиграл и вышел из «Общества». Моему примеру последовали Маргарита Терехова и Николай Бурляев. Позже, в 1992-м, я решил провести телемарафон памяти режиссёра; средства от него пошли бы на восстановление его дома. Спонсором проекта был банк «Евро-космос». Но, видимо, так распорядилась судьба, что второго Дягилева из меня не вышло: банк лопнул, марафон не состоялся.

А.Н.: И что же было дальше?

Ю.К.: А дальше был Роман Виктюк. Он предложил мне написать сценарий «Венера в мехах» (по Захер-Мазоху) для своей кинопостановки. Вскоре я узнал, что помимо меня над этим заданием корпят ещё четверо. Было как-то обидно. Однако мой сценарий оказался лучшим. Меня просто тошнило от мазохизма, и я

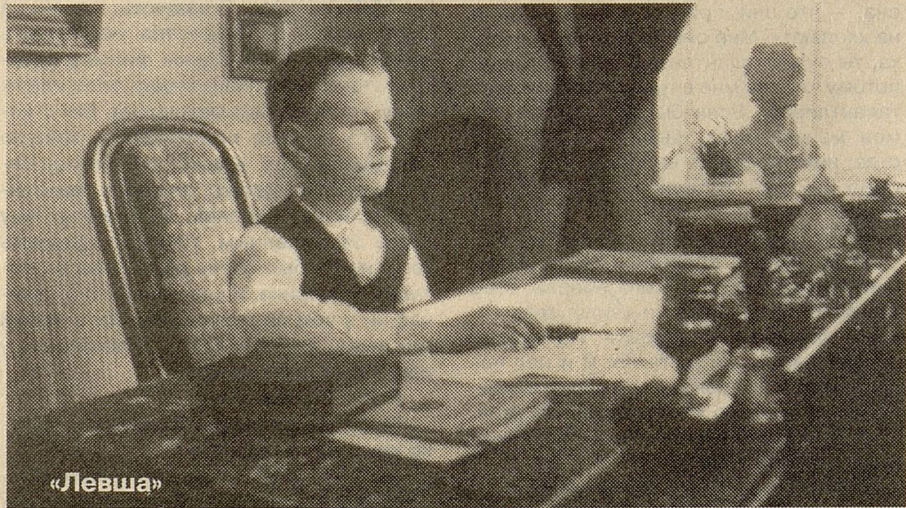

«Дягилева из меня не вышло»

написал комедию. Как выяснилось, это был единственно верный шаг, и Виктюку он понравился.

А.Н.: «Венера в мехах»? Что-то я не припомню такого фильма.

Ю.К.: Не удивительно. Я написал четыре женские роли, и все четыре — для Метлицкой: обманутая жена, взбалмошная любовница, тётушка, наказывающая племянника и ожившая статуя. Все мужские роли, включая Мазоха, предназначались Маковецкому. Но проект провалился, и вновь по материальным причинам. Виктюк упустил деньги. Метлицкая умерла.

«Левша»

пил против, и тогда я сказал себе: «Что ж, если меня не пускают в Москву, то я заставлю москвичей приехать ко мне во Львов».

А.Н.: И заставил?

Ю.К.: Заставил. Приехали такие замечательные актёры, как Валентина Малавина, Юрий Назаров, критики Вадим Михалёв, Ней Зоркая. Всего 200 человек, в том числе и Элем Климов.

А.Н.: Как тебе это удалось?

Ю.К.: Всё очень просто. Я приурочил конференцию к открытию мемориальной доски Ларисе Шепитько. Элем Германович просто не мог пропустить это событие. На конференции я предложил создать «Общество Тарковского». И такое общество вскоре возникло в Москве при СК СССР.

А.Н.: Но председателем его почему-то стал не ты, а Андрей Смирнов?

«Левша»

студентом, не имеющим ни гражданства, ни работы, ни регистрации, встала дилемма — уезжать или оставаться? На доллары, которые у меня были, я мог бы вернуться во Львов, но внутренний голос подсказал, что лучше — снять на них фильм.

А.Н.: Это был голос уязвлённого самолюбия?

«Левша»

Ю.К.: Абсолютная фантазия. Один мой знакомый рассказал как-то, как его, левшу, переучивали писать правой рукой. И что после этого из весёлого и жизнерадостного ребёнка он превратился в холодного мизантропа. Мой герой в начале фильма выводит левой рукой — Адольф Шикельгрубер, фамилию матери... В конце же его забинтованная правая рука ставит закорючку — Адольф Гитлер. Рука повреждена потому, что ею от безысходности он разрушил отцовский кабинет и сам упал на осколки.

А.Н.: Разрушая, он — саморазрушил-ся?

Ю.К.: Вот именно. В фильме есть эпизод, когда Адольф слышит шаги отца и ожидает, что тот войдёт и увидит его за столом с пролитыми чернилами, но дверь открывается, и вместо отца он видит поток света. «Я свет миру!» — говорит Иисус (Ин. 8.12). Ребёнок избирается, чтобы стать судьёй мира, орудием зла и одновременно жертвой этого зла. В этом моё отличие от Сокурова. Я стал адвокатом дьявола, реабилитировал Гитлера его детством, как Достоевский Раскольникова — его отрочеством. Ребёнок с экрана говорит нам: «Я слаб и беззащитен, и если вы отвергаете во мне человеческое, вы не сможете понять во мне дьявольское».

А.Н.: И ты решил вызвать сострадание к дьяволу?

Ю.К.: Решил. Но для начала я пришёл к Чумаку, ныне уже покойному декану операторского факультета, и попросил у него студента-оператора «с деньгами!» Владимир Гаврилович немного подумал и посоветовал мне Артака Игитяна. Тот посмотрел мою раскадровку к «Левше» и согласился.

А.Н.: Тебе повезло.

Ю.К.: Но не надолго. Вскоре меня выселили из общежития. Всю зиму я ночевал во ВГИКе, в 219-й аудитории, в маленькой нише на высоте двух метров от пола. Я скрывался, как Ленин в Разливе. Моё подполье было неприкасаемым. Весной я стал работать на ОРТ, но когда однажды остался ночевать в кабинете, меня уволили. Перед уходом я набрал с собой пропусков, по которым потом каждый вечер проходил в Останкино, где спал под лестницей с кошками и ужасным сквозняком...

А.Н.: Сколько это продолжалось?

Ю.К.: Месяцев шесть. Пока снималась картина. Полиция забирала меня чуть ли не ежедневно, но при слове «Гитлер» тут же отпускала. Странно, как я ещё умудрялся сохранять презентабельный вид, необходимый для общения с кредиторами. «Левша» нуждался в деньгах, и мне пришлось продать все мои книги. Их было около тысячи. На вырученные деньги я покупал обои для декорации, антикварные вещи, костюмы. Кое-что бралось с помоек, какая-то древняя, полуразрушенная мебель. Я сам собирал её, сам обрабатывал лес, купленный на свои же деньги, сам настилал полы.

А.Н.: А актёров? Как ты их подбирал?

Ю.К.: Первоначально роль маленького Адольфа должен был исполнить Егор Кочубей. В моей короткометражке «Кавалер роз» он играл мальчика-Мазоха. Но Егор был увлечён на «Закрытый космос», как потом выяснилось — к счастью. Я взял в руки камеру и отправился в ближайшую школу. Потом во вто-

рую, третью. Так я нашёл Никиту Морякова. Он был пластичен, двигался как мультяшка, но при этом сохранял каменное лицо. На роль отца я пригласил Евгения Киндинова. На роль матери — Татьяну Кисилёву. На роль директора школы — Андрея И. Отец — тиран, мать — слабая женщина, учитель — психопат. А мальчик — чистая доска, и первое, что на ней начертано — противостояние отцу как мироустроителю: «ты построил, а я разрушу».

А.Н.: Показывая Гитлера левшой, ты основывался на каких-то реальных документах?

Ю.К.: Абсолютная фантазия. Один мой знакомый рассказал как-то, как его, левшу, переучивали писать правой рукой. И что после этого из весёлого и жизнерадостного ребёнка он превратился в холодного мизантропа. Мой герой в начале фильма выводит левой рукой — Адольф Шикельгрубер, фамилию матери... В конце же его забинтованная правая рука ставит закорючку — Адольф Гитлер. Рука повреждена потому, что ею от безысходности он разрушил отцовский кабинет и сам упал на осколки.

А.Н.: Разрушая, он — саморазрушил-ся?

Ю.К.: Вот именно. В фильме есть эпизод, когда Адольф слышит шаги отца и ожидает, что тот войдёт и увидит его за столом с пролитыми чернилами, но дверь открывается, и вместо отца он видит поток света. «Я свет миру!» — говорит Иисус (Ин. 8.12). Ребёнок избирается, чтобы стать судьёй мира, орудием зла и одновременно жертвой этого зла. В этом моё отличие от Сокурова. Я стал адвокатом дьявола, реабилитировал Гитлера его детством, как Достоевский Раскольникова — его отрочеством. Ребёнок с экрана говорит нам: «Я слаб и беззащитен, и если вы отвергаете во мне человеческое, вы не сможете понять во мне дьявольское».

А.Н.: А ты считаешь, что Сокурову не удалось показать Гитлера как человека?

Ю.К.: Абсолютно нет. Арабов слишком сгустил краски. Вместо личности — всё та же карикатура. Я увидел импозантного, но не узнал героя, которого по каким-то необъяснимым причинам любили и даже обожали женщины. «Молох» похож на застоялую воду. Жаль.

А.Н.: А может быть, создатели фильма так чувствуют жизнь?

Ю.К.: Можно говорить скучно о скучном, а можно и не умертвлять рассказ о смерти. Мне ближе второй путь. Арабов же с Сокуровым напоминают мне солдат, которые воюют даже после перемирия. Не знаю, смотрели ли они «Левшу». Едва ли!

А.Н.: Ты можешь что-нибудь рассказать о своих планах?

Ю.К.: У Геннадия Шпаликова есть не поставленный сценарий. Называется «Причал». Это римейк «Атланты» Жана Виго. Я же увидел эту историю глазами человека конца века. Сценарий мой называется «Ковчег». Главная тема здесь — Ной, главный герой — шкипер баржи, человек ещё не старый, но и не молодой. В главной роли я вижу Олега Меньшикова. Это выдающийся актёр, для отечественного кино он сделал столько же, сколько Михаил Чехов — для театра. По сути, это история праведника, которому Бог велит построить ковчег, чтобы уберечь от потопа его семью.

А.Н.: Идея действительно интересная, но как ты собираешься решить проблему с гонораром одному из самых высокооплачиваемых актёров?

Ю.К.: Я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

А.Н.: Ты приставишь к его виску пис-толет?

Ю.К.: Хуже. Я предложу Олегу Евгеньевичу стать продюсером моего фильма.

Записала Анна НИКИТИНА

14.1000
Кузин Юрий